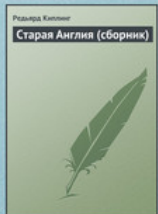

Редьярд Киплинг

Меч Виланда

*Часть сборника
Старая Англия (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

Меч Виланда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6647698

Аннотация

«...Театр находился на лугу, называвшемся Длинной Лощиной. Небольшая речка, которая, пробежав еще через два-три луга, вертела колеса мельницы, делала на Длинной Лощине крутой поворот, и в самой середине образованного ею мыса было странное волшебное кольцо из темной травы; оно-то и служило сценой. Посреди ивовых кустов, орешин и дикого шиповника, покрывавших берега мельничной речки, было очень удобно ждать своего выхода на сцену...»

Редьярд Киплинг

Меч Виланда

* * *

Дети давали представление. Все, что они могли вспомнить из шекспировского «Сна в летнюю ночь», Ден и Уна решили сыграть перед тремя коровами. Отец этих юных артистов сделал маленькую пьесу из большой, и дети репетировали ее, пока, наконец, не выучили наизусть. Комедия начиналась с того места, где Ник-Основа, ткач, выходит из кустов с ослиной головой на плечах и видит сияющую Титанию, королеву фей. За этим следовал скачок к строчкам, в которых Основа просит трех маленьких фей почесать ему голову и принести меду; заканчивалось представление тем, что осел засыпал в объятиях Титании. Ден играл Пека и Ника; исполнял также роли трех фей. Играя Пека, он надевал суконный колпак с двумя ушками, а для роли Основы – бумажную ослиную голову из рождественской хлопушки; только вот беда: при малейшей неосторожности она рвалась. Уна была Титанией в венке из цветов водосбора и с волшебным жезлом в виде цветущего стебля наперстянки.

Театр находился на лугу, называвшемся Длинной Лощиной. Небольшая речка, которая, пробежав еще через два-три

луга, вертела колеса мельницы, делала на Длинной Лощине крутой поворот, и в самой середине образованного ею мыса было странное волшебное кольцо из темной травы; оно-то и служило сценой. Посреди ивовых кустов, орешин и дикого шиповника, покрывавших берега мельничной речки, было очень удобно ждать своего выхода на сцену. Один взрослый, видевший детское представление, сказал, что сам Шекспир не мог бы придумать более подходящей обстановки для своего произведения. Понятно, родители не позволили детям сыграть комедию ночью, но они пошли на луг после чая, когда тени уже сильно удлинились. Ден и Уна захватили с собой ужин – крутые яйца, бисквиты Оливера и соль в бумажке. Трех коров подоили; они щипали траву с таким звуком, что его можно было слышать на всем лугу; дальше на речке работала мельница; там что-то стучало и шлепало, точно босые ноги, бежавшие по твердой земле. На столбе подле ворот в усадьбу сидела кукушка и пела свою прерывчатую июньскую песню: «кукукук», а хлопотливый зимородок то и дело перелетал от речки к соседнему ручью, который журчал с другой стороны луга. Кроме этих звуков, ничего не было слышно; стояла глубокая, как бы сонливая тишина, и в неподвижном воздухе висел сладкий запах травы и сена.

Представление шло прекрасно. Ден помнил все свои роли – Пека, Основы и трех фей; Уна не забыла ни одного слова Титании; даже не сбилась в том трудном месте, где королева фей просит своих трех подданных накормить Ос-

нову-ослика абрикосами, свежими винными ягодами и разными там вещами, рифмующимися с первой строчкой. Дети остались так довольны представлением, что три раза сыграли всю пьесу с самого начала до самого конца; наконец, они уселись в середине травянистого кольца там, где не было сорных трав, принялись есть яйца и закусывать их бисквитами Оливера. Вдруг между ольховыми кустами послышался свист; дети быстро вскочили.

Чаща кустов раздвинулась, и на том месте, где еще так недавно стоял Ден, ожидая своего выхода в роли Пека, они увидели коричневого человека с широкими плечами, с остроконечными ушами, с коротким расплюснутым носиком и со щелочками вместо глаз. Человечек улыбнулся во все свое веснушчатое лицо. Он прикрывал рукой глаза, точно наблюдая за Основой, Буравом, Дудкой, Заморышем и за другими, игравшими пьесу «Пирам и Тизба». Голосом звучным, как мычание трех коров, раздававшееся всегда, когда они желали, чтобы их начали доить, коричневый человечек продекларировал:

Каких тут чучел собралась толпа?
Как раз вблизи заснула здесь царица.

Он замолчал, закинув одну руку за голову, и, лукаво поблескивая глазами, продолжал:

Хотят играть! Взгляну, а там, быть может,

С болванами сыграю шутку сам.¹

Дети смотрели на него, широко раскрыв рты, а человечек (он был по плечо Дену) спокойно вошел в кольцо.

– Я давно не практиковался, – сказал он, – но вот каким образом следует играть мою роль.

Дети по-прежнему разглядывали его с головы до ног, начиная с темно-синей шапочки, похожей на большой цветок водосбора, и кончая его босыми волосатыми ножками. Наконец он засмеялся.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так. Право, я не виноват... Чего другого могли вы ждать?

– Мы никого и ничего не ждали, – медленно ответил Ден. – Это наш луг.

– Разве? – сказал их гость, садясь на траву. – Так объясните, что заставило вас сыграть «Сон в летнюю ночь» три раза с самого начала и до самого конца, накануне дня в середине лета, в кольце из травы, да еще как раз под одним из самых моих старых холмов в старой Англии? Холм Пока, Холм Пека, Холм Пока, Холм Пека. Дело ясно, как нос на моем лице.

Он показал на покрытый папоротником откос Холма Пока, который начинается подле мельничной реки и кончается дремучим лесом. Дальше, за лесом, почва снова все поднимается и поднимается, доходя в высоту до пятисот футов. Еще выше громоздится обнаженная, крутая вершина Маяч-

¹ «Сон в летнюю ночь», комедия В. Шекспира. Перевод А. Л. Соколовского.

ной горы, с которой открывается вид на низину Певнсей, на пролив и чуть не на половину открытой южной равнины.

– Клянусь дубом, тисом и терновником, – со смехом продолжал человек, – случись это несколько сотен лет тому назад, сюда сбежали бы все жители гор, толпясь, как пчелы в июне!

– Мы не знали, что это нехорошо, – заметил Ден.

– Нехорошо! – Человек весь затрясся от смеха. – Право, в этом не было ничего нехорошего. Напротив, вы достигли того, за что в древние времена короли, рыцари и ученые отдали бы одни свои короны, другие – шпоры, третьи – книги. Помогай вам сам Мерлин, вы не могли бы поступить лучше. Вы пробии горы. Вы пробии горы! За последнюю тысячу лет этого не случилось ни одного раза.

– Да... да мы не хотели... – проговорила Уна.

– Конечно, не хотели. Вот потому-то так хорошо и вышло. К несчастью, горы теперь пусты; все их население ушло. Остался один я. Я – Пек, самое древнее из всех старых существ Англии, и я к вашим услугам, если... если вам угодно иметь со мной дело; если нет, скажите, и я уйду.

Почти целую минуту он смотрел на детей, и дети смотрели на него. Глазки человечка больше не искрились. В них светилась доброта, а его губы начинали раздвигаться в очень ласковую улыбку.

Уна протянула ему свою ручку.

– Не уходи, – сказала она. – Ты нам нравишься.

– Скушай бисквитик, – предложил человечку Ден и подал ему смятую бумагу, в которой лежали яйца и все остальное.

– Клянусь дубом, тисом и терновником! – воскликнул Пек, снимая с головы свой синий колпак. – Вы тоже мне нравитесь. Посыпь солью бисквитик, Ден, и я его съем вместе с вами. Тогда вы увидите, что я за существо. Некоторые из нас, – продолжал он с полным ртом, – не переносят соли, не могут пройти в ту дверь, над которой прибита подкова, не могут есть ягод горных тисов, не выносят также живой текущей воды, холодного железа или звука церковных колоколов. Но я – я Пек.

Он заботливо сбросил крошки со своей куртки и пожал детям руки.

– Мы с Деном всегда говорили, – пробормотала Уна, – что если «это» когда-нибудь случится, мы отлично поймем, что нужно делать; но... но теперь все выходит как-то иначе.

– Она говорит о встрече с волшебником, – пояснил Ден. – Я-то никогда не верил в них... по крайней мере, с тех пор, как мне минуло шесть лет.

– А я верила, – заметила Уна, – то есть верила наполовину, пока мы не выучили стихотворение «Подарок на прощанье». Ты знаешь «Подарок на прощанье и феи»?

– Ты говоришь об этом? – спросил Пек и, закинув свою маленькую голову, начал декламировать известное детское стихотворение, в котором говорится об исчезновении фей.

– Конечно, знаю, – окончив второй куплет, прибавил он.

– А дальше упоминается о травяных темных кругах, которые вытоптали люди, – сказал Ден. – Когда я был маленький, от этих слов мне всегда становилось больно. Болело где-то здесь... внутри.

Пек продекламировал еще один отрывок из стихотворения голосом громким и звучным, как звук церковного органа.

– Уже давно не слышал я этой песенки, но что там говорить, она правдива. Все население гор ушло. Я видел, как древние существа явились в старую Англию, видел также, как они ушли. Исполины, кобольды, маленькие домовые, водяные, эльфы, духи лесов, деревьев, пригорков и вод; духи зарослей, хранители гор, стражи сокровищ, добрые карлики, ночные духи, нимфы, русалки, гномы и остальные ушли, все ушли. Я явился в Англию вместе с дубом, тисом и терновником, и, когда дуб, тис и терновник исчезнут, уйду и я.

Ден осмотрел луг, взглянув на дуб Уны около нижних ворот их усадьбы, на ряд тисовых деревьев, затенявших Заводь Выдр, в которую забегают вода мельничной речки во время отдыха мельницы, и на старый боярышник, любимый куст трех коров (им было удобно почесывать свои шеи о его колючие ветви).

– Да, – сказал Пек и прибавил: – И нынешней осенью я посажу множество семян.

– Значит, ты прямо ужасно стар? – спросила его Уна.

– Нет, не стар; я долго прожил, как говорится. Дайте-ка

вспомнить. Мои друзья, бывало, ставили для меня блюдечки со сливками по ночам, когда вот эта каменная гряда была еще новой. Да, да, я поселился здесь раньше, чем люди каменного века устроили яму для собирания росы ниже Ченгтонбери.

Уна сжала ручки, сказала: «О!..» – и кивнула головкой.

– Она придумала какой-то план, – объяснил Пеку Ден, – она всегда качает так головой, когда что-нибудь придумывает.

– Мне кажется, мы могли бы оставлять для тебя на чердаке немного супа. Видишь, если мы будем прятать кушанья в детской, большие заметят.

– В классной, – быстро поправил сестру Ден.

Уна вспыхнула. Дело в том, что дети дали торжественное обещание никогда больше не называть классной комнаты «детской».

– Благословляю ваши золотые сердечки, – сказал Пек. – Когда-нибудь из тебя, Уна, выйдет хорошая, заботливая девушка-хозяйка. Но мне совсем не нужно, чтобы вы ставили для меня чашки с супом; впрочем, если когда-нибудь мне захочется перекусить, будьте уверены, я скажу вам это.

Пек улегся на сухой траве; дети растянулись рядом с ним, весело болтая босыми ножками. Они не могли бояться его больше, чем своего друга старого Хобдена, плетельщика изгородей и корзин. Пек не надоедал им скучными вопросами, которые обыкновенно задают взрослые, не смеялся над

ослиной головой; он просто лежал и самым благоразумным образом улыбался своим мыслям.

– Есть у вас с собой перочинный ножик? – наконец спросил детей коричневый человечек.

Ден подал ему свой большой садовый нож с одним лезвием, и Пек тотчас же вырезал им из середины круга кусок дерна.

– Зачем это? Для волшебства? – спросила Уна, когда Пек встряхнул четырехугольный кусок шоколадной земли, обрезанный, точно ломоть сыра.

– Да, это мое маленькое колдовство, – ответил он и вырезал второй такой же квадрат дерна. – Видите ли, я не могу пригласить вас внутрь гор, потому что все горное население ушло, но, если вы хотите, чтобы я ввел вас во владение вашим имуществом, я, может быть, покажу вам здесь, на человеческой земле, нечто необыкновенное. Вы, конечно, вполне заслужили такой награды.

– Что значит ввести во владение? И зачем дерн? – осторожно спросил Ден.

– Это старый обычай; он применялся, когда люди покупали и продавали землю. Продающий, бывало, вырезал из почвы кусок дерна и передавал его покупателю, и тот не вступал по-настоящему во владение землей, то есть земля не принадлежала ему, пока продавец не передавал ему этого куска, вот так. – И Пек протянул Дену кусок дерна.

– Да ведь это наш собственный луг, – отступая, сказал

Ден. – Неужели ты можешь волшебством унести его?

Пек засмеялся.

– Я знаю, что это ваш луг, только в нем есть такие вещи, какие не снились ни вам двоим, ни вашему отцу. Попробуйте.

Пек взглянул на Уну.

– Хорошо, – сказала она. Ден тотчас же тоже взял дерн.

– Теперь вы двое действительно законно приняли во владение всю старую Англию, – певучим голосом начал Пек. – По праву дуба, тиса и терновника, вы можете повсюду ходить, рассматривать все, что я вам покажу, или все, что вам вздумается. Вы увидите то, что увидите; вы услышите то, что услышите, хотя бы это случилось три тысячи лет тому назад, и не почувствуете ни сомнения, ни страха. Скорее! Берите скорее все, что я вам даю.

Дети закрыли глаза, но ничего не случилось.

– Что же? – с разочарованием сказала Уна, поднимая веки. – Я думала, сюда прилетят драконы.

– Я думал о том, что случилось три тысячи лет тому назад, – сказал Пек и что-то посчитал по пальцам. – Нет, к сожалению, три тысячи лет тому назад в этих местах не было драконов.

– Но ведь вообще ничего не случилось, – пробормотал Ден.

– Погодите немножко, – сказал Пек. – Нельзя в один год вырастить дуб, а старая Англия старше двадцати дубов. Ся-

дем опять и подумаем. Я могу думать без перерыва сотню лет.

– Ах, ведь ты волшебник, – сказал Ден.

– А разве ты слышал от меня это слово? – быстро заметил Пек.

– Нет. Ты говоришь о населении гор, но ты ни разу не упомянул фей и волшебство, – сказала Уна. – И я удивляюсь этому. Ты не любишь фей и волшебников?

– Скажите, вам обоим было бы приятно, если б вас то и дело называли «смертными» или «человеческими существами», – спросил Пек, – или сыном Адама и дочерью Евы?

– Мне это совсем не нравилось бы, – ответил Ден. – Таким образом говорят джинны и африты в сказках «Тысячи и одной ночи».

– Вот точно так же отношусь я к упомянутым тобой словам. Кроме того, население гор никогда не слыхивало о тех созданиях, про которых вы говорите, оно не знает маленьких, нежных мушек на бабочкиных крыльях, в газовых юбочках, с сияющими звездочками в волосах и с жезлами вроде линейки школьного учителя, с палочками, служащими для наказания злых и награды добрых мальчиков. Впрочем, «я» знаю их.

– Мы не о них говорим, – сказал Ден. – Мы тоже их ненавидим.

– Правильно, – проговорил Пек. – Так можете ли вы удивляться, что жители гор не желают, чтобы их смешивали с

этими пестрыми, крылатыми, помахивающими жезлами обманщицами и обманщиками сладенькими и кивающими головами? Нечего сказать, бабочкины крылья! Я видел древнего рыцаря, сэра Гюйона, и его войско, видел, как они отправились из замка Тинтенджель в Хи-Брезиль под шквалами юго-западного урагана, когда брызги перелетали через замок и горные лошади теряли рассудок от страха. «Эти» вылетели во время затишья; визжали, как чайки, но ветер отнес их опять в глубь страны, на пять добрых миль от берега, раньше, чем они могли снова повернуться лицом против бури. Бабочкины крылья! Это было волшебство – такая же черная магия, какую мог сотворить волшебник Мерлин. Тогда море превратилось в зеленый огонь и белую пену, и в нем копошились поющие морские девушки. А горные лошади переступали с одной волны на другую при свете вспыхивающих молний. Вот что случилось в старые дни.

– Великолепно! – сказал Ден; Уна же вздрогнула.

– В таком случае, я рада, что все это миновало; но почему жители гор ушли? – спросила она.

– Было много причин. Когда-нибудь я объясню вам одну из них, самую важную, – сказал Пек. – Однако они исчезли не все сразу. В течение многих столетий они уходили мало-помалу. Большинство были чужестранцами и не вынесли нашего климата. Эти улетели очень скоро.

– Когда? – спросил Ден.

– За две пары тысячелетий до сегодняшнего дня; может

быть, немножко раньше. Началось с того, что они были богами. Финикийцы плавали сюда за оловом и привезли с собой некоторых из них, потом галлы, ютландцы, датчане и жители Фрисландии привезли еще нескольких, когда высадились на наши острова. В те времена одни люди высаживались на берег, других прогоняли на их суда, и все приносили с собой своих богов. Но в Англии плохо живется божкам. Ну, явился и я и пожелал остаться. Чашка с похлебкой, глубокая тарелка молока, спокойные шутки с поселянами – этого было довольно с меня тогда; довольно и теперь. Видите ли, я здешний и всю свою жизнь провел с людьми. Между тем почти все остальные древние существа желали казаться божествами; желали иметь храмы, алтари, жрецов и получать жертвоприношения.

– Людей, которых сжигали в плетеных корзинах? – спросил Ден. – Об этом нам рассказывала мисс Блек.

– Они требовали всевозможных жертвоприношений, – продолжал Пек. – Если им не приносили в жертву людей, им нужны были лошади, рогатый скот, свиньи или сладкий липкий род пива. Мне это никогда не нравилось. Древние существа были упрямые, требовательные идолы. А что вышло? Люди не любят, чтобы их приносили в жертву; им неприятно даже приносить в жертву своих рабочих лошадей. И вот через некоторое время люди просто-напросто бросили старых божков, и крыши храмов обвалились; древним существам пришлось уйти и жить как придется. Одни из них решили

бродить среди деревьев, прятаться в могилах и стонать по ночам. Когда они стонали достаточно громко и достаточно долго, человек пугался и жертвовал им курицу или оставлял им фунт масла. Я помню одну богиню по имени Белизама. Она сделалась обыкновенным мокрым водяным духом и поселилась где-то в Ленкошире. Да и сотни других моих друзей были прежде божествами. Потом они стали жителями гор и, наконец, бежали в другие места, так как, по той или другой причине, не ужились с англичанами. Помню только одно старое существо, которое честно работало, чтобы жить. Его звали Виланд, и он ковал разные вещи для нескольких древних божков. Я забыл их имена, но отлично знаю, что он изготовлял для них мечи и копья. Кажется, Виланд говорил что-то о своем родстве со скандинавским Тором.

– «Герой Асгарда Тора»? – спросила Уна. Она читала эту книгу.

– Может быть, – ответил Пек. – Во всяком случае, когда для него настали тяжелые дни, он не стал просить милостыни или воровать, а честно работал. И мне посчастливилось оказать ему услугу.

– Расскажи мне об этом, – сказал Ден. – Приятно послушать о древних существах.

Все трое уселись поудобнее; каждый жевал травинку. Пек оперся на одну из своих сильных рук и продолжал:

– Дайте-ка вспомнить. В первый раз я встретил Виланда в один ноябрьский день, когда бушевала буря с градом и до-

ждем; я увидел его подле низины Певнсей.

– Певнсей? Значит, вон там, за горой? – Ден указал на юг.

– Да, но в то время здесь было болото; оно тянулось до Хорсбриджа. Я стоял на Маячном холме (тогда его называли Брененбургом), вдруг заметил бледное пламя, какое бывает, когда горит сухой вереск, и пошел взглянуть, в чем дело. Пираты подожгли деревню в долине. Изображение Виланда, большая черная деревянная фигура с янтарным ожерельем на шее, украшала нос тридцатидвухвесельной галеры, которую разбойники только что вытянули на отмель. Жестокий стоял холод. Ледяные сосульки свешивались с палубы судна; весла блестели от намерзшего льда; лед был и на губах Виланда. Завидев меня, он начал длинную песню на своем языке, и в ней рассказал, как он станет управлять Англией, как запах дыма от его алтарей будет наполнять весь воздух, начиная от графства Линкольна до острова Уайта. Я не встревожился. Я видел столько божеств, наводнявших старую Англию, что его песня не могла меня беспокоить. Я предоставил Виланду попеть вволю, пока разбойники палили деревню; потом сказал ему (право, не знаю, почему эти слова пришли мне в голову), итак, я сказал:

– Кузнец богов, придет время, когда ты будешь работать ради денег, поставив свою наковальню на краю дороги.

– А что ответил Виланд? – спросила Уна. – Рассердился он?

– Он осыпал меня бранью, завращал глазами; я ушел бу-

дить людей. Но пираты все же покорили страну, и много столетий Виланд считался могучим божеством. Его храмы были повсюду, до самого острова Уайта, и ему приносились прямо невероятные жертвы. Скажу по справедливости, что он предпочитал лошадей людям. Как бы там ни было, я отлично знал, что со временем он потеряет свое место, как и все другие старые божества. Я ждал долго, около тысячи лет; наконец, вошел в один из его храмов подле Эндовера, чтобы посмотреть, как он поживает. В храме стоял алтарь, было изображение Виланда, были жрецы, молящиеся; все казалось счастливыми, кроме самого Виланда и его жрецов. В древние времена поклонники божеств чувствовали себя несчастными, пока жрецы не намечали очередную жертву; то же испытывали бы и вы. Теперь было иное. Вот вижу я, вышел жрец, подвел какого-то человека к алтарю и сделал вид, будто он рассекает ему голову маленьким золотым топором; человек упал и притворился мертвым. Все остальные закричали: «Жертва Виланду, жертва Виланду».

– А по-настоящему человек не умер? – спросила Уна.

– Совсем не умер. Это была такая же игра, как ваши кукольные приемы за чашкой чая. Потом в храм привели великолепную белую лошадь; жрец отстриг прядь волос из ее гривы и хвоста и сжег эту шерсть над алтарем с криком: «Жертвоприношение!» Считалось, будто это все равно, что убили человека и лошадь. Сквозь дым я рассмотрел лицо бедного Виланда и не мог удержаться от смеха. Он казался та-

ким огорченным, таким голодным; ведь ему пришлось довольствоваться противным запахом сожженной шерсти. Чисто кукольный чай! Я решил ничего не говорить в ту минуту (это было бы нехорошо). Когда же через несколько сот лет я опять пришел в Эндовер, Виланд и его храм исчезли; на их месте я увидел христианского епископа в церкви. Никто из жителей гор ничего не мог сказать мне о нем, и я предположил, что он покинул Англию.

Пек повернулся, оперся на другой локоть и задумался.

– Дайте-ка вспомнить, – снова начал он наконец. – Вероятно, прошло еще несколько минут, вероятно, также года за два до покорения Англии, я вернулся к Холму Пека и раз вечером услышал, как старый Хобден говорил о броду Виланда.

– Если ты говоришь о старом Хобдене, плетельщике изгородей, ему всего семьдесят два года. Он сам сказал мне это, – заметил Ден. – Он наш близкий друг.

– Правильно, – ответил Пек, – но я говорил о старом Хобдене, который жил за девять поколений до прапрадедушки вашего приятеля. Он был свободный человек и выжигал здесь уголь. Я знаю весь их род так давно, что иногда путаюсь. Хобдена звали Хобом Датчанином, и он жил в коттедже подле кузницы. Так вот, как только я услышал имя Виланда, я наострил уши и побежал через леса к броду, вон там, за торфяным лесом. – Пек кивнул головой в сторону запада, туда, где долина сужается, стесненная лесистыми холмами.

– Да ведь это брод Виллинга, – сказала Уна. – Мы часто ходим туда. Там живет славный зимородок.

– В те времена это место называлось бродом Виланда. От маяка туда спускалась дорога. Очень плоха была она, а весь откос холма покрывал густой-прегустой дубовый лес, в котором водились олени. Я не нашел и следа Виланда, зато увидел толстого фермера; он спускался по дороге в тени деревьев. Его лошадь потеряла в глине свою подкову, и, подъехав к броду, он вылез из седла, вынул из своего кошелька один пенни, положил его на камень, привязал свою старую лошадь к дубу и громко закричал: «Кузнец, кузнец, вот для тебя работа». Сказав это, толстяк сел на землю и заснул. Вы представьте себе, что я почувствовал, когда седобородый, согнутый, старый кузнец в кожаном переднике вышел из-за дуба и принялся подковывать лошадь. Я узнал Виланда и так удивился, что прыгнул к нему, сказав: «Что ты тут делаешь, Виланд?»

– Бедный Виланд, – со вздохом шепнула Уна.

– Кузнец откинул со лба свои длинные волосы (он не сразу узнал меня) и, подумав немного, ответил: «Тебе-то следовало знать. Ты предсказал это, старое существо. Я подковываю лошадей за плату. Я теперь даже не Виланд. Мое имя Придорожный Кузнец».

– Бедняк, – заметил Ден. – А что ты ему сказал?

– Что я мог сказать? Держа ногу лошади на колене, он посмотрел на меня, улыбнулся и продолжал: «Помню время,

когда я не согласился бы принять в жертву эту старую клячу, сущий мешок с костями, а теперь радуюсь, что могу за пенни подковать ее».

– Разве ты не в силах вернуться в Валгаллу или вообще туда, откуда пришел? – спросил я.

– То-то и оно, что нет, – ответил он, продолжая скрести копыто. Он удивительно обращался с лошадьми. Старая кляча обнюхивала его плечо и тихонько ржала. – Ты помнишь, что в свое время, когда я был в полной власти, я не считался кротким? Я не освобожусь до тех пор, пока какое-нибудь человеческое существо искренне не пожелает мне добра.

– Ну, – сказал я, – фермер должен поблагодарить тебя, ты для него подкуешь все четыре ноги лошади.

– Да, – сказал Виланд, – мои гвозди продержат подковы от одного полнолуния до другого. Но фермеры и здешняя глина необыкновенно холодны и жестки.

Поверите ли, когда этот фермер проснулся и увидел, что его лошадь хорошо подкована, он уехал, не бросив неведомому кузнецу ни слова благодарности. Я до того рассердился, что тотчас повернул его лошадь и заставил ее пройти три мили обратно к маяку. Уж очень мне хотелось поучить вежливости этого грешника.

– Ты был невидимкой? – спросила Уна. Пек серьезно кивнул головой.

– Конечно. В те дни маяк всегда держали наготове, в случае французской высадки в Певнсее его могли мгновенно за-

жечь. В эту длинную летнюю ночь долго водил я лошадь туда и сюда, фермер думал, что он заколдован, да, конечно, так и было, и толстяк скоро начал молиться и кричать. Это меня не смущало; я был таким же хорошим христианином, как он. Часа в четыре утра из монастыря, который стоял на вершине Маячного холма, вышел послушник.

– Что такое послушник? – спросил Ден.

– По-настоящему послушник – будущий монах; но в те времена многие посылали своих сыновей в монастыри, как в школы, учиться. Этот молодой человек проводил месяцев по пять во французском монастыре, а теперь заканчивал свое образование тоже в монастыре, но близ своего дома. Его звали Гуг, и родные этого юноши владели всей вашей долиной. Гуг слышал крик фермера, подошел к нему и с удивлением спросил, что с ним. Старик наговорил ему всяких чудес о феях, духах и колдуньях, я же знал, что в эту ночь он не видел ничего, кроме кроликов да оленей. (Жители гор как выдры: они показываются, только когда хотят.) Гуг не был глуп. Он посмотрел на ноги лошади и увидел, что она подкована так, как ковал один Виланд. (Виланд особым образом загибал гвозди, и люди называли это «загибом Придорожного Кузнеца».)

– Гм, – произнес послушник. – Где подковали вашу лошадь?

Сначала фермер не хотел ему сказать; священники не любили, чтобы их прихожане имели какое-нибудь дело с

древними существами, но наконец сознался, что лошадь его подковал Придорожный Кузнец.

– Сколько вы заплатили ему? – спросил Гуг.

– Пенни, – мрачно ответил фермер.

– Христианин взял бы больше, – заметил Гуг. – Надеюсь, вы в придачу сказали «благодарю»?

– Нет, – ответил фермер. – Придорожный Кузнец – язычник.

– Язычник он или нет, – сказал Гуг, – вы приняли от него услугу, следовательно, должны его поблагодарить...

– Что? – с негодованием сказал фермер; он сердился, потому что все это время я водил его лошадь кругами. – Что это вы болтаете, молодая сутана? Значит, по-вашему, я должен был бы сказать благодарю сатане, если бы он помог мне?

– Полно, не старайтесь сбить меня с толку, – проговорил послушник. – Вернитесь к броду и поблагодарите кузнеца, не то сами пожалеете.

И фермеру пришлось поехать обратно. Я вел его лошадь, но никто меня не видел; Гуг шагал рядом с нами; его длинное платье шелестело в блестящей от росы траве; его удочка лежала на плечах, как копьё. Когда мы опять пришли к броду, было пять часов, под дубами тянулся туман; фермер отказался крикнуть «благодарю» и ворчал, обещая сказать аббату, что его послушник хотел принудить христианина поклониться языческому божеству. Тогда Гуг вышел из себя, крикнув «благодари!», схватил фермера за его ногу, скинул

толстяка с седла на траву и раньше, чем упрямец успел подняться, стал трясти его, как крысу; наконец, фермер проворчал: «Благодарю тебя, Придорожный Кузнец».

– А Виланд видел это? – спросил Ден.

– О, да; когда фермер рухнул на землю, Придорожный Кузнец так крикнул, что воздух дрогнул; это был старинный воинский клич Виланда. Кузнец был в восторге; Гуг же повернулся к дубу и сказал:

– О, кузнец богов, мне стыдно думать об этом грубом фермере, и за все то хорошее, что во имя доброты и милосердия ты сделал для него и для других моих соплеменников, я благодарю тебя и желаю тебе добра. – Сказав это, послушник поднял свою удочку, которая больше, чем прежде, стала походить на копье, и ушел по вашей долине.

– А что сделал бедный Виланд? – спросила Уна.

– От радости он и плакал и смеялся; Гуг освободил его, и он мог уйти, куда хотел. Но Виланд был честен. Он работал из-за денег и перед уходом заплатил свои долги. «Я поднесу подарок этому послушнику, – сказал он, – и дар мой послужит ему на пользу везде, куда бы ни попал он, а после него принесет добро старой Англии. Раздуй для меня огонь, ты, древний житель леса, а я приготовлю железо для моего последнего изделия». И Виланд выковал меч, темно-серый, изогнутый; он ковал, я раздувал огонь. Клянусь дубом, тисом и терновником, повторяю, Виланд был кузнецом богов. Он дважды охладил меч и проточной воде, в третий раз – в

вечерней росе; потом положил его под лунные лучи и пропел над ним руны (это значит заклинания), наконец, начертал пророческие руны на его лезвии. «Древнее создание, – сказал он мне, отирая лоб, – лучшего лезвия Виланд никогда еще не делал. Даже тот, у кого оно будет в руках, никогда не постигнет до конца его совершенства. Пойдем к монастырю».

Мы прошли в общую комнату монахов и увидели послушника.

Он крепко спал на своей койке. Виланд вложил меч в его руку, и я отлично помню, как молодой человек, не просыпаясь, схватил эфес дивного оружия. Потом Виланд вошел в часовню, сделал по плитам ее пола столько шагов, сколько осмелился, и бросил все свои кузнечные инструменты – молоток, клещи и скребки, – показывая, что он навсегда покончил с ними. Тяжелые орудия упали на пол, зазвенели, точно броня; заспанные монахи сбежались в часовню; им показалось, что на монастырь напали французы. Раньше всех прибежал послушник; он размахивал своим новым мечом и выкрикивал саксонский военный клич. Увидев кузнечные инструменты, монахи изумились, но Гуг попросил у них позволения заговорить, рассказал, что он сделал с фермером, что сказал кузнецу и как, несмотря на свет в дортуаре, нашел в своей постели чудесный, покрытый рунами меч.

Сперва аббат покачал головой, но скоро засмеялся и сказал послушнику:

– Сын мой, Гуг, я и без знака языческого бога понимал, что ты никогда не будешь монахом. Возьми свой меч, храни свой меч и уходи со своим мечом; но будь так же кроток, как силен и вежлив. Мы же повесим перед алтарем кузнечные инструменты, потому что, чем бы ни был в древние дни кузнец богов, нам известно, что он честно работал ради денег и принес дары матери церкви.

Монахи ушли и снова легли спать; ушли все, кроме послушника, который сел на пороге, играя своим мечом. Стоявший около конюшни Виланд сказал мне:

– Прощай, древний; ты имеешь право проводить меня. Ты видел, как я явился в Англию, видишь, как я ухожу. Прощай.

И он стал спускаться с холма, направляясь к повороту реки подле Большого Леса; теперь вы называете его Глухим Углом; Виланд шел к тому самому месту, где он впервые пристал к земле; я слышал еще некоторое время, как он шуршал в чаще, потом все стихло. Вот так это случилось.

Ден и Уна глубоко вздохнули.

– А что же было потом с Гугом? – спросила Уна.

– И с мечом? – спросил Ден.

Пек посмотрел на луг, который, спокойный и прохладный, расстилался в тени Холма Пека. В траве крикал коростель; в ручье прыгали маленькие форели. Из ольховой чащи вылетела большая белая ночная бабочка и покружилась около детских головок; легкая дымка тумана поднялась над ручьем.

– А вы действительно хотите знать это? – спросил Пек.

– Да, да, – ответили дети. – Ужасно хотим.

– Отлично. Я обещал вам, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, хотя бы это случилось три тысячи лет тому назад; но теперь, мне кажется, если вы не пойдете домой, ваши домашние будут вас искать. Я провожу вас до ограды.

– А ты будешь здесь, когда мы опять вернемся? – спросили брат и сестра.

– Конечно, конечно, – ответил Пек. – Я уже пробыл здесь довольно долго. Только погодите одну минутку.

Он дал каждому из детей по три листика: один дубовый, другой тисовый, третий терновый.

– Покусайте их, – сказал Пек, – не то, пожалуй, вы станете дома болтать о том, что видели и слышали, и – если только я знаю людей – ваши родители пошлют за доктором. Кусайте же.

Брат и сестра стали грызть листики и пошли рядышком к ограде усадьбы. Подле калитки стоял их отец.

– Ну, как шло представление? – спросил он.

– О, чудесно, – ответил Ден, – только позже мы, кажется, заснули. Было так тепло и тихо. Ты не помнишь, Уна?

Уна покачала головой и ничего не сказала.

– Понимаю, – сказал отец и продекламировал стихи: «Поздно вечером Кильмени пришла домой; она не могла сказать, где была, и не помнила, что видела». Но почему ты

жуешь листики, дочка? Из шалости?

– Нет, я делаю это зачем-то, но зачем именно – не могу сейчас вспомнить.

И ни брат, ни сестра ничего не помнили, пока...